

Паулс. Раймерс

31.07.06

Композитор **Раймонд Паулс:**

Известия - 2006 - 31 июля - с. 10

«По-моему, Энрике Иглесиас — просто жлоб»

Любопытно, что день рождения Крутого отмечали сразу по окончании концерта, посвященного 70-летию Раймонда Паулса. Эту почтенную дату латышский «мистер Шлягер» отпраздновал еще в январе. Однако ради «Новой волны» самый успешный прибалтийский композитор согласился родиться еще раз. За час до выхода на сцену Раймонд Волдемарович дал эксклюзивное интервью обозревателю «Известий» **Михаилу Марголису.**

ВОПРОС: Минувшей весной немало говорилось о вашем возможном неучастии в «Новой волне» и отказе от сопредседательства на конкурсе. Эти слухи были обоснованны?

ОТВЕТ: Рано или поздно такой вопрос должен был возникнуть. Мы все стареем. Я, например, уже лет двадцать говорю, что собираюсь уйти со сцены. Правда, никуда пока не ушел. Но мне ясно, что такой проект — дело молодых, и однажды нам придется отойти в сторону, если мы хотим, чтобы конкурс развивался. А тут еще и распри в России по поводу «Новой волны», какая-то борьба между телеканалами. Я не хочу в этом участвовать.

В: Но пока вы остаетесь одной из персон, олицетворяющих «Новую волну». Даже согласились на свой юбилейный концерт в рамках конкурса.

О: Когда я слышу о юбилее, мне кажется, будто у меня начинают расти ангельские крылья. Что поделать, люди просят. Зимой я дал в Риге концерт по случаю своего 70-летия — на открытии нового Дворца спорта. Говорят, побил все латвийские рекорды по сборам. А сейчас инициатива шла от Москвы. Игорь Крутой взял на себя миссию организа-

ции такой программы, где звучат мои песенки в новых аранжировках, хотя и «классические» варианты тоже есть. Публике по-прежнему интересны эти вещи. Мне в Латвии до сих пор говорят, что кто-то под них женился, а кто-то разводился.

В: Алла Пугачева, как и вы, все конкурсные дни проводит в Юрмале, однако вы довольно обособлены друг от друга и встречаетесь, кажется, только на концертах?

О: Мне напрашиваться неудобно. Я себя никогда не навязываю. Наверное, с ее стороны должен последовать некий жест. Раньше у нас все было проще. Созвонились: «Давай после концерта встретимся» — и встречались. Но я ее хорошо понимаю. Ей непросто сейчас и на сцене, и в частной жизни. Конфликтов между нами никогда не было. Просто так обстоятельства складываются, что сейчас мы общаемся мало. И в Москве я бываю нечасто, заезжаю буквально на пару дней. Москва — сложный и бурный город, а я привык к тихой атмосфере Прибалтики. Здесь те же самые интриги, но в меньшем масштабе.

В: Говорят, вы собираетесь возвращаться в политику?

О: Я собираюсь поддерживать на ближайших выборах в сейм людей, которые меня об этом просят. Но вообще политика — не мое ремесло. Никогда особо ею не интересовывался, но всегда, впрочем, оказывался в нее вовлечен.

В: В Латвии многие упрекают вас в пророссийской ориентации. На первой «Новой волне» какие-то радикалы кинули в вас тортом «за предательство латвийских интересов».

О: Ну, таких хватает и у нас, и у вас. А что касается «пророссийскости», я просто всегда считал, что с соседями надо жить дружно. Тем более Латвия и сейчас во многом зависит от России.

В: Однажды вы чуть не стали президентом страны. Вам этого действительно хотелось?

О: Нет. Никаких постов после того, как я побывал министром культуры, мне занимать не хочется. Я же не сумасшедший. Тогда был просто пиаровский ход.

В: Есть ощущение, что в последнее время вы если и выступаете, то по чьей-то просьбе, а так давно бы уже уединились у себя на даче...

О: Отнюдь. Я сейчас много работаю и делаю лишь то, что

хочу сам. Играю с симфоническими оркестрами, выступаю с хорами. Просто в Москве обо мне знают и говорят в сотни раз меньше, чем в прошлом. А я сейчас в идеальном положении для художника. У меня нет менеджеров, обязательств, мне никто не может приказывать. Мне и сейчас предлагают выступать в России, постоянно звонят. Но я почти никуда не езжу. А молодым тяжело, их не приглашают, и зарабатывать им негде.

В: Вы можете им помочь? Скажем, сделать универсальный репертуар, как когда-то Вайкуле, Леонтьеву?

О: Не могу. Мне нечего им предложить. Раньше, когда я активно работал, у меня были и оркестр, и ансамбль. Я сам ездил по провинции, отыскивал таланты. У меня была возможность дать им дебютировать в моих авторских программах и даже выступить на телевидении. Я извиняюсь, но того же Леонтьева благодаря мне вообще пустили в Москву. А сейчас мне постоянно передают чьи-то дебютные записи, диски, а я пожимаю плечами и говорю: «Ну что я могу вам предложить?».

В: В Москве многие артисты вашего уровня сейчас обзаводятся собственными театрами, творческими центрами. Вы когда-то пытались создать нечто подобное в Риге — под названием «Вернисаж», но затея провалилась. Не хотите предпринять еще одну попытку?

О: Нет. У нас никто ничего просто так не дает. А у меня сейчас и задачи такой нет. Мне, слава богу, не нужно ежедневно думать о зарплате. И я потихоньку занимаюсь тем, к чему лежит душа. К осени готовлю программу, посвященную великому Иоганну Себастьяну Баху. Свой концерт я сейчас вижу так: сзади большой оркестр, мужчины во фраках, дамы в длинных платьях. И все они умеют петь. Сплав классики, джаза и хорошей эстрады.

В: То есть, если вы расстанетесь с «Новой волной», ваша связь с поп-музыкой прервется окончательно?

О: Не знаю... Но, откровенно говоря, мне это надоело. Особенно когда я увидел этого парня, Энрике, сына знаменитого отца, который в сапогах начал ходить по столу жюри. Все вскочили и хлопают. Я один остался сидеть. А перед кем я должен вставать? По-моему, он просто жлоб.

В: После того как сторел ваш дом в Юрмале, вы так и не обзавелись здесь новой недвижимостью?

О: Нет. Я от Юрмалы держусь подальше. Будем откровенны, это уже не наша зона. Здесь все продается и будет продаваться тем, у кого есть большие деньги. В частности, русским. Так происходит во всем мире. Это же популярный курорт. А мы удаляемся от моря в другую сторону. Поближе к тихим озерам.